

**ВОПРОС О СООРУЖЕНИИ РУССКИХ ГОРОДОВ НА ВОЛГЕ
В МОСКОВСКО-НОГАЙСКИХ ВЗАИМООТНОШЕНИЯХ
СЕРЕДИНЫ 1550-х гг.**

В статье рассматривается один из эпизодов московско-ногайских отношений в середине XVI в., когда по инициативе бия Исмаила велись интенсивные переговоры о необходимости постоянного русского военного присутствия в стратегических местах Понизового Поволжья.

Ключевые слова: Ногайская Орда, Москва, волжские «перевозы», караулы, города, посольства, Астрахань, Переволока, устья Иргиза и Самары.

Осенью 1586 г. между Большой Ногайской Ордой и Россией началась настоящая дипломатическая война. Бий Орды Урус был возмущен строительством в Заволжье и Южном Приуралье русских городов Самары и Уфы. Ногайская знать всерьез опасалась, что Москва совместно с волжско-яицкими казаками «отнимет» у них наиболее продуктивные летние кочевья по рекам Самаре, Кинелю, Илеку, Иргизу и др. В разразившейся полемике обе стороны использовали самые различные аргументы для доказательства своей правоты. Ногаи опирались, прежде всего, «на старину», утверждая, что никогда русских городов здесь не было («... ты (*Федор Иоаннович*. – Э.Д.) на четырех местах хочешь города ставити: на Уфе, да на Увекке, да на Самаре, да на Белой воложке. А теми месты твои деды и отцы, владели ли?». Московские дипломаты объясняли, что появление русских городов было направлено, прежде всего, для защиты ногайских кочевий от нападений казаков [1, с. 121].

Между тем один из важнейших аргументов в свою пользу в этих спорах московская сторона не использовала, и это, на наш взгляд, являлось серьезной ошибкой русской дипломатии. В середине 1550-х гг. отец Уруса бий Исмаил неоднократно просил Ивана Грозного поставить сезонные русские гарнизоны и даже города в стратегических местах Волги: у Астрахани, на Переволоке, в устьях р. Иргиза и Самары. Россия в это время прочно утверждается в Среднем и Нижнем Поволжье, и обращение одного из правителей Орды за помощью к Ивану IV выглядело вполне естественным. История этих переговоров, локализация обсуждаемых укрепленных пунктов представляют значительный интерес и требуют специального изучения. Исследователи, занимавшиеся Ногайской Ордой и русско-ногайскими отношениями в середине – второй половине XVI в., как правило, отмечали только сам факт проведения таких переговоров [5– 7; 12]. Данными обстоятельствами обусловлено обращение к этой теме и ее конкретное изучение по материалам, прежде всего, «ногайского» направления русской политики [9]. В отдельных случаях свидетельства архивных источников дополняются данными из русских летописей этого времени – Никоновской и других [2– 4].

Причиной переговоров о необходимости постоянного русского военного присутствия в ключевых местах волжского побережья – у Астрахани, на волго-донской

* © Дубман Э.Л., 2012

Дубман Эдуард Лейбович (dubmane@mail.ru), кафедра российской истории Самарского государственного университета, 443011, Российская Федерация, г. Самара, ул. Акад. Павлова, 1.

Переволоке, в устьях р. Самары и Иргиза — стал тяжелейший политический и социально-экономический кризис в Ногайской Орде. Он возник из-за разногласий и борьбы за лидерство 2-х братьев: старшего — бия Юсуфа, крайне враждебно настроенного к действиям Москвы по ликвидации Казанского и Астраханского ханств, и младшего — нурадина Исмаила, поддержавшего политику российского правительства в регионе. Основные события этого конфликта разразились в 1554 — 1557 гг. и подробно рассмотрены В.В. Трепавловым [7, с. 270—284]. Уже в начале 1555 г. от Исмаила ушли на правый берег Волги и попытались «пристать» к Крыму со своими улусами, потомки Юсуфа (8 братьев) и Шейх-Мухаммеда, а также часть Кошумовичей. В результате рухнула устоявшаяся система распределения отдельных участков степи и лесостепи между отдельными улусами, оказался покинутым ряд улусных участков для кочевий. Ушедшие ногаи утратили на них права. Все лето 1555 г. мятежные мирзы вели войну против Исмаила. Переправившись через Волгу, они разорили столицу Орды Сарайчик, нанесли ряд поражений бию и его союзникам. Таким образом, проблема контроля волжских «перевозов» становится для Исмаила одной из важнейших, а своими силами эффективно он ее разрешить не мог. Исмаил не имел реальных возможностей ни остановить беглецов, уходящих от него на Правобережье, ни предотвратить их походы на верные ему улусы. В результате последовал ряд обращений к Москве с просьбами поставить на «перевозех» русские отряды. В конце лета Исмаил смог победить Юсуфовичей, однако борьба на этом не завершилась: в нее постепенно втягивались все новые и новые силы.

Все огромное пространство ногайских кочевий стало ареной периодически вспыхивающих крупных междоусобных столкновений, что привело к их запустению, сокращению количества населения и скота, хозяйственному упадку. Ослабленная в результате всех этих событий, социально-хозяйственная организация Орды не смогла сохранить стабильность в условиях резкого сокращения кормовой базы для скота. Последнее было вызвано катастрофическим ухудшением природно-климатических условий на огромной территории от Причерноморья до Казахстана в середине — второй половине 1550-х гг. Первые признаки страшного голода проявились уже в 1555 г., однако апогей его приходится на последующие годы. Об этом катастрофическом для кочевников событии сохранились многочисленные известия. Например, в грамоте от Исмаила в Москву, датированной концом лета 1557 г., сообщалось: «...а улусы наши животиною обмерли и голодни есмя» [9. Д. 5. Л. 33 об.]. О результатах бедствий, обрушившихся на Ногайскую Орду, образно и точно в своей «Истории о великом князе Московском» написал князь А. Курбский: «И так того народу измаилтескаго мало за Волгою осталось, едва пять тысящей военных людей, егоже было число подобно песку морскому» [10, с. 290].

Перейдем теперь собственно к предмету переговоров между Москвой и Ордой по вопросу волжских переправ. 30 мая 1555 г. «большой посол» бия Исмаила Амангильдей при личной встрече передал Ивану Грозному грамоту. В ней бий выражал свое удовлетворение тем, что в Астрахани московский царь посадил на престол «брата нашего Дербышалея царя». Следом шло предложение о разделении ролей в совместных усилиях поддержания стабильной ситуации в Нижнем и Среднем Поволжье. На себя Исмаил брал обязательство: «Нам бы тово беречи, чтобы к Астрахани полем рати не пустити». Ивану же предлагал: «А ты тово вели беречи, чтобы водяным путем не пришли, на всех перевозех вели по перевозом по двесте человек поставити...». А кого к нам пошлешь, и ты посылай к нам Волгою. И те бы люди твои на Самарском устье с нами свестилися, чтобы однолично полем не ходили» [9. Кн. 4. Л. 248]. Фактически посол привез проект договора о совместных действиях против противни-

ков Исмаила, и в нем впервые в русско-ногайских отношениях, прозвучали слова о необходимости поставить русские отряды «на перевозех».

Предложение, высказанное бием, не было оригинальным. Первые русские караулы «на перевозех», о чем свидетельствует В.Н. Татищев, появились уже в 1553 г. [11, с. 438].

В ответной грамоте к Исмаилу, отправленной со служилым татаринном Б. Кииковым 27 июня того же года, Иван Грозный, помимо ряда других обязательств, обещал: «А нечто твои недруги приедут опять на астраханской перевоз, и мы над ними велели промыслити, как возможно. Да и на иных перевозех велели есмя их стеречи» [9. Кн. 4. Л. 250–250 об.].

Тема охраны перевозов на Волге вновь прозвучала в послании к Исмаилу от Ивана Грозного, направленном к ногаям с посольством во главе с И. Загряжским (выехало из Москвы 9 марта 1555 г.): «А которые холопи из нашей земли выбежали и стоят на Волге, а у вас лошади крадут и гостей побивают, а наших рыболовеи грабят и побивают же, и мы на тех послали своего сына боярского Григорья Жолобова. А велели их, добыв, побити. И по перевозом на Волге велели есмя ему ж ваших улусов беречи от Белек Булат мирзы с тавариши. А на которых вам перевозех сторожа надобе, и вы б Григорью велели на тех перевозех беречи. А мы ему о том приказали» [9. Кн. 4. Л. 269–269 об.]. Отметим, что в Астрахань к хану Дервиш-Али был послан с военным отрядом сын боярский Л. Мансуров. Жолобов же «берег» именно «перевозы», начиная, видимо, с Переволок и выше по течению Волги [9. Кн. 4. Л. 269 об.]. Таким образом, русские отряды на переправах должны были «беречь» Исмаила от мятежных мурз и от казачьей вольницы.

В наказной памяти И. Загряжскому был прописан конспект его «речи» при встрече с Исмаилом. В ней звучат те же два мотива: Г. Жолобов послан на Волгу для защиты улусов ногаев от казаков и от крымских людей [9. Кн. 4. Л. 279]. В более кратком варианте эти тезисы прозвучали и в наказных памятях русских посланников к другим мирзам Орды [9. Кн. 4. Л. 289, 293].

В июне 1555 г. «на Петрово Заговенье», «Исуповы дети» и другие мирзы, разгромившие до этого Сарайчик, напали на кочевья самого Исмаила и едва его не убили [9. Кн. 4. Л. 296 об.–297об.]. Следствием этого разгрома явилось резкое изменение содержания просьб последнего. В стратегических местах Волги Исмаил и некоторые его мирзы просят поставить уже не гарнизоны, а «города».

15 декабря 1555 г. царем были приняты ногайские послы во главе с Еболду, передавшие просьбу Исмаила: «И ныне на астраханской земле город поставь. А на Переволоке город жо поставь. И на Самарской устье город жо поставь. И ныне б недругов наших мирз, которые от нас отъехали, будет они на той стороне Волги, и ты б не велели их на сю сторону перевозити. А будет жо на сей стороне, и ты на ту сторону не вели перевесть» [9. Кн. 4. Л. 303–303об.].

Однако среди мирз (Арслан, Бий, Магмед и Юваш; грамота еще от одного Бай мирзы не сохранилась), приславших с Исмаилом свои грамоты, не было единства по вопросу строительства русских городов на Волге. Только в двух из них – от Бий мирзы и Магмед мирзы, помимо обычных уверений в дружбе, звучало предложение «И тебе Астрахань у Дервиша царя взять, а на том месте город бы тебе поставити», и только Бий мирза предложил «Да на Переволоке бы город же тебе поставити» [9. Кн. 4. Л. 307–308].

19 февраля 1556 г., после приема в Москве, ногайские послы отправились вместе с новым русским посольством назад. В памяти его руководителю О.Т. Тишкову было указано: говорить Исмаилу, что против царя Дербыша послана русская рать «Ивана Черемисинова да Михаила Колупаева со многими людьми... на Переволоке и на

Самарском устье велели есмь быти многим людем и крепости учинити. А велели есмь им беречи по перевозом мурз казаков, чтоб на вашу сторону не перешли» [9. Кн. 4. Л. 316–316 об.]. В переговорах с Исмаилом Тишков должен был убедить бия, что царь приказал разогнать и казнить волжских казаков «...а ныне поставил на Волге казаков добрых вам на береженье, в которых воровства нет» [9. Кн. 4. Л. 325 об.]. Характерно, что из всех мирз только Арслану русский посланник Г. Велин должен был заявить о том же [9. Кн. 4. Л. 342 об.].

Практически одновременно в декабре 1555 г. в Москву через Казань прибыло еще одно посольство от Исмаила во главе с Байтереком и Тинишем. В привезенной от бия грамоте звучало следующее: «.и ты на весне рать свою пришли и Астрахань возьми... и как Астарахань возьмешь, и ты в Астарахани одново своего холопа уставь. А на Переволоке город поставь да одново ж холопа своево уставь. А на Иргызе город жо поставь, да и там жо город жо поставь, да и там одново холопа своего уставь» [9. Кн. 4. Л. 352 об.]. Характерно, что в этом документе среди мест, где следует ставить города, вместо р. Самары указан Иргиз.

В ответном послании к Исмаилу, направленном из Москвы с Т. Тимеевым 24 января, сообщалось о посылке русской рати весной в Астрахань. В ответ на просьбу бия поставить города на Переволоке и Иргызе, говорилось: «И мы в тех местех, учиня крепости, велим людем многим стояти и беречи беглых мирз накрепко...» [9. Кн. 4. Л. 356 об.].

Таким образом, менее чем за год обе стороны договорились о том, что на перевозах следует ставить не казаков или других воинских людей, а города «с холопами».

Последующая переписка практически всего 1556 г. сохранилась лишь фрагментарно или, возможно, она была менее интенсивной. В любом случае никаких сведений в ней о необходимости ставить города или держать государево войско на «перелазах» не сохранилось. Это выглядит весьма странным в связи с важнейшим событием, произошедшим летом этого года в низовьях Волги, когда был совершен второй поход на Астрахань. Таким образом, Россия окончательно установила свой контроль над Астраханским Поволжьем, и ситуация там коренным образом изменилась.

К началу 1557 г. все переговоры о необходимости ставить города на Переволоке, устьях Иргыза и Самары фактически прекращаются. Вопрос об астраханском перевозе был решен окончательно. Переговоров с Исмаилом на эту тему уже не ведется.

М. Лачинов, посланный в январе 1557 г. к Али мирзе, должен был объявить ему, что астраханский юрт взят, а также: «А которые наши казаки стояли на Волге и улусом вашим докучали, и мы ныне того для послали на Переволоку Ляпуна Филимонова со многими людьми. А на Самарское устье послали есмь Степана Кобелева со многими ж людьми. А велели есмь с Волги казаков всех сослати, чтоб вашим улусом обиды не было. А которые казаки с Волги не пойдут, и мы тех велели, изымав, казнити. И велели есмь Ляпуну с таварищи на Переволоке, а Степану Кобелеву против Самарского устья и до осени беречи того, чтоб вашим улусом от казаков лиха не было. А которые ваши послы и гости пойдут к нам, и мы им велети их перевозити» [9. Кн. 5. Л. 4–4 об.].

В наказной памяти Лачинову далее говорилось: «А ныне господине, государь сею весною в судех послал на Волгу своих детеи боярских Степана Кобелева да Ляпуна Филимонова со многими людьми. А велел с Волги казаков всех сослати. И велел им того беречи накрепко, чтоб вашим улусом обиды никакии не было. А велел государь наш Степану Кобелеву стояти против Самарского устья и до осени. А Ляпуну велели стояти на Переволоке до осени ж. А велели им того беречи накрепко, чтоб казаки на Волгу не приходили и лошадеи бы у вас не крали. А которые пойдут от вас послы и гости к государю нашему, и государь наш тех велел перевозити и проводников им

давати» [9. Кн. 5. Л. 7–7 об.]. В более кратком варианте сюжет с посылкой на Волгу С. Кобелева и Л. Филимонова повторяется в грамотах, посланных в том же январе 1557 г. со служилыми татарами К. Нагаевым «с тавариши» к мирзе Белек Булату и Б. Кадышевым к мирзе Аисе [9. Кн. 5. Л. 12–12 об., 13 об.–14]. В Никоновской и ряде других летописей в сообщении об этом событии имеется ряд новых уточняющих деталей. Среди русских послов, отправленных в январе 1557 г. в Орду, помимо М. Лачинова указаны «...к Исмаилю-князю Петра Григорьева Совина, а ко Юнусу к мурадину-мырзе Елку Малцова сына Данилова, а к Араслану х теховату-мырзе Ивана Тверитинова...». Л. Филимонов, направленный с отрядом на Переволоку, указан атаманом, а С. Кобелев, посланный на Иргиз, – стрелецким сотником. Составители летописей четко определили задачу, поставленную перед Филимоновым и Кобелевым: «беречи Нагай от Русских казаков и от Крымских, ... и им послов перевозити» [2, с. 279; 3, с. 107; 4, с. 68]. При указании места, где должен был располагаться отряд С. Кобелева, мы в большей степени склонны доверять документам, вышедшим из Посольского приказа. По сравнению с летописцами, русские дипломаты, отправляемые в Орду, обязаны быть более точными.

Фактически на этом завершается переписка между Москвой и властителями Орды по поводу появления русских военных контингентов и даже городов в стратегических пунктах волжского побережья. Позднее, в условиях голода, охватившего ногайское общество, Исмаил уже просит Ивана Грозного помочь ему в строительстве «ногайских» городов в Заволжье. Но это уже тема для другого исследования.

Историки по-разному оценивают реакцию России в этом вопросе. Г.И. Перетяткович считал, что Иван Грозный не хотел помогать Исмаилу в строительстве крепостей на Волге, потому что они «...при случае могли быть употреблены против самой России» [6, с. 279]. Этот вывод справедлив в отношении более поздних по времени просьб Исмаила помочь ему в строительстве городов для ногаев в заволжской степи. Но на волжских переправах бий просил возводить русские города. Более убедительным является мнение В.В. Трепавлова. Он полагает, что в сложной обстановке, сложившейся в то время на южных и юго-восточных границах страны, московское правительство предпочитало действовать очень осторожно [7, с. 380]. Е.В. Кусаинова и М.В. Моисеев, авторы недавно вышедших специальных исследований, посвященных русско-ногайским отношениям, практически не затрагивают эту тему [8; 12]. На наш взгляд, в середине 1550-х гг. главной задачей для Москвы являлось закрепление русского присутствия в астраханском Поволжье, что и было сделано. Строительство же постоянных городов на Волге в тех условиях являлось преждевременной, рискованной акцией. Последующие события, произошедшие во взаимоотношениях с Большой Ногайской Ордой и ее кочевыми соседями, подтвердили правоту этого подхода.

По отношению к Астрахани и Переволоке вопросов о локализации места размещения русских гарнизонов и городов-крепостей практически не возникает. С Самарой и Иргизом дело обстоит иначе. Содержание переговоров между Исмаилом и Иваном Грозным не оставляет сомнений, что их собирались ставить в устьях рек. Прежде всего, это очевидно для Самары. Но все широко известные летние «перелазы» – «у Соснового острова», «ниже Самары в Казачьих горах», «Усть Керешки (устье р. Терешки. – Э.Д.) на Змеине Камени», «на Таллыке выше Ахматовых гор» и другие не совмещаются с устьями наиболее полноводных левобережных притоков [13]. Возможно, для Исмаила эти места были знаковыми в системе их летних кочевий и встреч с послами. Возможно, он стремился перекрыть наиболее удобные пути маневра ватаг казачьей вольницы. И, наконец, может быть, предполагалось, что русские отряды, размещенные в устьях Самары и Иргиза, могли на стругах контролировать достаточно протяженные участки волжской акватории. Ответа на этот вопрос имеющиеся в нашем распоряжении источники не дают.

Библиографический список

1. Пекарский П.П.. Когда и для чего основаны города Уфа и Самара? // Классика самарского краеведения: антология / под ред. П.С. Кабытова и Э.Л. Дубмана. Самара, 2002.
2. Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью // Полное собрание русских летописей. Т. 13. Первая половина. СПб., 1904.
3. Книга, глаголемая летописец Федора Кирилловича Нормантскаго // Временник ИМОИДР. М., 1950. Кн. 5.
4. Летописец русский (Московская летопись 1552–1562 гг. По рукописи, принадлежавшей А.Н. Лебедеву). Сообщил Андрей Лебедев // ЧОИДР. М., 1895. Кн. 3.
5. Сафаргалиев М.Г. Ногайская Орда во второй половине XVI века: сборник научных работ Морд. гос. пед. ин-та. Саранск, 1949.
6. Перетяткович Г.И. Поволжье в XV–XVI вв. М., 1877.
7. Трепавлов В.В. История Ногайской Орды. М., 2001.
8. Моисеев М.В. Взаимоотношения России и Ногайской Орды (1489 – 1563 годы): дис. ... канд. ист. наук. М., 2007.
9. РГАДА. Ф. 127. Сношения России с ногайскими татарами. Оп. 1.
10. Курбский А. История о великом князе Московском // Памятники литературы Древней Руси. Вторая половина XVI века. М., 1986.
11. Татищев В.Н. История Российская. Л., 1968. Т. 7.
12. Кусаинова Е.В. Русско-ногайские отношения и казачество в конце XV–VII вв. Волгоград, 2005.
13. Дубман Э.Л. О некоторых особенностях функционирования системы волжских «перевозов» в конце XV–XVII вв. // Самарский земский сборник. 2005. № 3(11).

*E.L. Dubman**

THE QUESTION ABOUT FOUNDATION OF RUSSIAN CITIES ON THE BANK OF THE VOLGA RIVER IN TERMS OF MOSCOW-NOGAY RELATIONSHIPS IN THE MID 1550-IES

The article is about one of the episodes of Moscow-Nogay relationships in the mid-1550-ies, when on the own initiative of bii Ismail there were negotiations about the necessity of permanent Russian military presence in strategic regions of the lower Volga.

Key words: Nogay Horde, Moscow, Volga transportations, guards, cities, embassies, Astrakhan, Perevoloka, Samara and Irgiz outfall.

* *Dubman Edward Leibovich* (dubmane@mail.ru), the Dept. of Russian History, Samara State University, Samara, 443011, Russian Federation.